

Отечество

*Отечество нам Царское Село.
А. С. Пушкин*

Едва ли мы отыщем то село:
Все лицеисты пущены в расход,
Обломки лиры снегом занесло,
Отчалил философский пароход
И растворился в дымке голубой,
Ну а народ — о чем ты, Бог с тобой.

Изъяты книги из библиотек
И сожжены, и вылинял, поблек
Всяк сущий в нем язык, и вот уж век
России нет. Но гиблые места,
Но мачты лучевидные стропил
Без плотников, церквушка без креста,
В грязи — из веток ивовых настил
И синяя оленья немота
Весны, зимой — течение светил
Над мерзлотой, над вечной мерзлотой...

И все пресуществляются в Дары:
Вино и хлеб и игры детворы.
России нет. Но дискос золотой,
Но Чаша, свет, струящийся в ночи,
Его прямоходящие лучи...

Занявшийся сиянием пережной,
Себя я в этой бездне разместил,
Идя сквозь виноградник Твой больной
И видя сны, где снег со дна могил
Еще блестит под северной луной.

Варсонофьевский переулок, 7/9

— А ну вставай, соколики, пора!
На пять минут — работы в гараже,
И вот уже вывозят со двора
В грузовике лежащих неглиже
Соколиков. И мажется икра
На масло, крем-брюле и бланманже
Тебе приносят к чаю, кобура.

Июнь. И рио-рита из окна
Тем громче, чем от гари тяжелей:
Висит, мешаясь с пухом тополей,
Она по всей столице, эта гарь.
Но рассуди, дрожащая ты тварь,
Какой в том прок? Гребущим всех подряд
До лампочки, горят ли, не горят
В буржуйке бумаженции твои.
Подпишешь все, как миленький, а там
Удобрить сам культурные слои,
Свезут ли на Донской к истопникам
Тебя, мой друг, в Нарыме ли каком
Потрудишься и сам истопником.

Не дремлет враг. И хрупок, неглубок,
Не разберу, от водки ли мой сон,
От ремесла ли нашего, милок.
Льешь литрами, считай, одеколон,
А все корит, все дуется жена,
Мол, пахнешь кровью, как с тобою спать,
Как жить с тобою? Знать, повреждена
Умом-то, голубица, но — как знать...

Прям, леди Макбет. Впрочем, не про то,
Осужденный, хотел тебе сказать.
Сочится кровохлебкой решето,
Отцеживая нас — и вас, и нас:
И я, и ты, и этот конь в пальто —
Под Богом ходим, да-с... Не ровен час,
Подкатят и за мной, впихнут в авто,
И Ваньку не валяй — за что, за что —
Наймит, гаденыш, падла, пидорас!

А враг — он бдит. Повсюду он внедрен —
Он в каждом, враг! И хлещет кровоток.
...Шекспир сказал: распалась связь времен.
И не связать концов ее, браток.

Васильев

А кровь, как ни бели ее с утра,
Сквозь известь, чем прозрачней, тем видней
Подследственным: тому — на севера,
Ну а тебе — тебе в страну теней,
Не к волчьим изумрудам, сибиряк,
Есенинской листвы ненужный ком.
Стребли тебя — забудь о северах:
Подвал и крематорий на Донском.

На раз-два-три хребты ломают здесь,
Окурки гасят в яблоках глазных.
Какие снегири? Ты вышел весь,
С крючка из мозга вырванной блесны
Весь вытек на рубаху в петухах.
Промчались грезы, гаснут колера,
И ты, как все, не медом здесь пропах.
— Охрана! Выносите гусяра.

Роняет лепестки югорский мак,
Со шконки слепошарый богомол
Во мрак вперяясь, тянешься во мрак
Седой, как лунь, скуластый, как монгол,
И там, во тьме, не кум, не фраера —
Спит теремок, ни низок, ни высок,
И золотарник золотом истек,
Блестит жемчужный хрящик осетра,
Не тюрьмы там, а юрты, солнцепек,
Там снег на полушалок твой, сестра,
Летит, напоминая Вифлеем,
И только карандашик послуни,
Текут стихи — последние огни
Вдоль пристани, но кто мы и зачем?

С овцы паршивой шерсти рыжий клочок
И тот не нужен им. Жирует хам,
А наш, дружок, окончен файв-о-клок,
И переоборудованный храм,
Дымит, словно мартеновская печь,
И всюду напоказ отцовский срам,
И не костями, но пеплом нам полечь —
Там, на Донском, орел степной, сиречь
Казак, биологический отброс,
Бряцающий на лире друг степей,
Орлов, парящих по небу вразброс,
И недруг — сапогов и портупей.

Обол Харону — сталинский пятак —
Паромщику косматому обол,
А то, глядишь, посмотрит и за так
Перевезет: ведь гол ты как сокол,
Сам бывший плотогоном как-никак.

Под звездным частоколом санный путь
И, как нигде, огромная луна,
И женщина: Елена ли она,
Наталья ли? И звезды, словно ртуть,
Текут по чуду в перьях, и полна
Жар-птиц, чьи позабылись имена,
Коробочка твоя, югорский мак,
И, по ветру развеянный подзол,
Плывешь, таращась бельмами, во мрак,
И ад, поди, не горшее из зол.

Лубянку, невостребованный прах
Припомни. И как там, на северах,
Как в Салехарде*, мглистый оком
Займется беглым пристытым огнем.

Дорога на Старый Надым

Что ты забыл здесь? Пей томатный сок,
Иди сторонкой, дождь, идущий вкось.
Все сгнули. Лишь лиственницы скрип
Над быстринной, с обрыва. Или ось
Скрипит земная? Что это за тип
Там шастает? Олень, должно быть, лось?

Осетр и банка с паюсной икрой —
Зачем тебе художества сии
В столовой раскуроченной? На кой
Нам ворошить культурные слои,
С печурок этих снег сбивать клюкой,
Скворечник на поехавших столбах
Разглядывать, вздыхая день-деньской?
Все рухнуло. И мусор на столах.

Мосты и рельсы — что тебе до них,
Висящих сикось-накось на соплях
Незнамо где, как регулярный стих,
Как чей, уже не помню, млечный шлях?

И тот чертог Твой, Спасе, Твой ковчег —
В нем нары на крови, на нарах снег,
Сквозь рванный свод сочится мерзлота

---

* Примечание: Салехард — последняя командировка Павла Васильева, и именно там, в лагерях Заполярья, он мечтал окончить свои дни, сидя во внутренней тюрьме на Лубянке и глядя сквозь решетку на снег и снежиры: «Снежиры взлетают, красногруды. / Скорю, скоро на беду мою / Я увижу волчьи изумруды / В нелюдимом северном краю». Не пришлось. На волю передавали, что видели двадцатисемилетнего поэта, самого могучего из русских поэтов того времени, совсем седым, с выжженным папирисой следователя глазом и сломанным позвоночником, так что, по-видимому, в расстрельный подвал его пришлось тащить волоком. Сожжен в приспособленном под крематорий для «врагов народа» храме преподобного Серафима Саровского на территории нового кладбища Донского монастыря, пепел ссыпан в могилу невостребованных прахов.

И кверху дном несет Генисарет
Лодчонку, чья коробочка пуста.

Вот мертвый, весь в телегах, Вифлеем,
И кто-то под огнем, и глух и нем,
Ест голову свою. И слеп, как крот,
Молчит Гомер. И крутится фокстрот
По всей Москве, не верящей слезам,
И мед, мешаясь с кровью, по усам
В нарядное, с иголки метро,
Что щерится в потемках, как сезам,
Течет, и всюду липко и мокро,
Мочала на колу и там и сям
Плывут по всем излучинам, осям,
Сквозь требуху сияет рыбий жир,
По перекресткам катится инжир
Со свившегося неба — скок-поскок! —
И пуля-дура, если не в висок,
Летит тебе в затылок, пассажир.

Что ты забыл здесь, призванный на пир,
И чем твоя коробочка полна?
Здесь лишь пустошь ягельного сна,
Здесь шпалы облаками затекли
И нет границы неба и земли
И из пустого все не перельет
В порожнее курящегося льна
Страна забвенья, призраков страна,
И нескончаем птичий перелет.

Здесь тот, кого воздушный лабиринт
Втянул сквозь снег, слоющийся, как бинт,
В полуночной стране сошедших в ров
Не Бога видит в небе, а барак,
Замерзшие могильники костров,
Кукушкин лен, растущий абы как,
И вечной тундры жиденский покров.

Зачем ты здесь? Лишь доски-горбыли,
Ивняк, белея, зиждется впотьмах,
Заносит снег кобыльи корабли,
Выживая нас из мерзлых ям,
И шпалы облаками затекли,
Оставив на помин лицейский ямб.

Но что нам эти косы, тот цветок
И тучки те жемчужные, старик?
Сознания угасающий поток
Сковало льдом. Уже не только вскрик —
И всхлип немислим. Канул в краснотал,
По льду растекшись кровью, тот квартал,
И только пустошь ягельного сна,
Страна забвенья, призраков страна.

Спит переименованный в Надым
Элизиум. Полярная луна,
Сова ли коченеет по-над ним,
Прожектора ли выявился зрак
Бельмом в ночи — не все ли нам равно?
И снег ли там скрипит, веретено
За нитью за нить сучит себе во мрак —
Не все ль равно? Пьет масло фитилек
Лампадки, как сосет, синея, лед
Арктический заморыш-василек,
И бесконечен птичий перелет
Над прорвою былъем заросших ям,
Где, как в потире хлеб Святых Даров,
Мы, верно, пропитались будь здоров
Сияньем, что течет по всем осям.

Овер-Сюр-Уаз

Ван Гог — брату

Не Иов — куда там! — а с содранной кожей
сатир со злосчастной свистулькой своею —
косматый, на сбор винограда похожий,
на голую церковь, что стынет, синея,
как будто растянута шкура на кольях
кургузым сугробом. И верно: ну, кто я,
чтоб с солнцем тягаться, тем более в Арле?

Горит виноградник, сочатся сквозь марлю
его заскорузлые вены цепные,
и сны, до потери сознания цветные,
плывут в голубые, как лен, палестины,
и то в ней узлы виноватой маслины
с листвою заполошной в преддверье расправы,
то дома свиданий фонарик кровавый.

Сшибаются лбами шары в бильярдной,
бульваров огни-удилища в нарядной
столице сплетаются в неводы-сети,
ведя тебя в нети. И что там за нети?

Скользит, пузырясь, по кустарным орбитам,
оплавленным дочерна метеоритом,
мой сад-вертоград под сибирским треухом
с подправленным бритвой, замотанным ухом,
с лицом психопата, что ни говори там,
и можно чердак залатать селянину,
курятник заткнуть ли, загон под скотину
искусством твоим. Но каким мастихином
сдерешь эти скулы, бутылку абсента
и луковый суп, и морозы адвента?

Так узник, свои забывая колодки,
корпит, трубокур, и то горе-подметки
малюет, то шлюх, то крестьянские кринки,
лучи половиц, никому на арт-рынке
и даром не нужен, но все по старинке
мазюкает что-то от ходки до ходки.

Он в рыжем затылке того, кто по кругу
гоним на прогулку, острижен, поруган,
вдруг видит подсолнух, и вот уже соткан
из золота зной в синеве непролазной,
белей ледников в нем покоятся лодки,
свистит, грохоча, паровоз над Узой,
пускает клубы в небеса, и, как дети,
зажгли керосин в перекошенной клетке
твои углекопы в картофельном свете.

Кому это нужно? В бистро колченогом
какой посетитель не ржет над Ван Гогом,
месившим палитры как грязь по дорогам?
Не курам ли на смех все пажити эти?
Не пастырь — изгой, я на адовом днище
ходячим стою у плетня кровотоком,
и в буркалах темень, и хлещет кровища,
а слава посмертная — много ль в ней проку?

Глазунья декабрьских судов на приколе,
возок без коня под дождем среди поля,
поднимешь глаза — разбегаются рельсы
созвездий. И чьих отправлений свистки там?
Твое, пассажир. С расписанием сверься,
спасибо скажи своим чеботам сбитым,
и разве так важно, всплакнет ли блудница,
кого поминают молочные вишни,
слегка розовея в минутном затишье
предвесьем весны по предместьям столицы?

Так в юноше теплятся слабые вирши,
святой дурачок проповедует птицам,
так в спящие тюрьмы, казармы, больницы
приходят — быть может, ниспосланы свыше —
любовницы, жены и прочие лица.

Душевнобольные так грезят о рае
в саду монастырского желтого дома,
и, кажется, лишь удали глаукому —
вернешься в Эдем, по частям собирая
сознание, и все там как будто знакомо,
но сквер твой, художник, дотла выгорая,
вперяется в ночь, и плывет над селеньем
дымок как из трубки — вот этой, последней.

И, крыты соломой, кривятся сараи,
овины, и солнца жрецы золотые
как просто жнецы надо мною проходят,
и их силуэты клубятся и стыннут
полуночной лавой в полуденном поле.

Но что прозябало там, зрело подспудно,
чтоб вспыхнуть безумием в полном объеме?
Вот пугал кресты, вот больничное судно,
полярного солнца в льняном окоеме,
как тыква Ионы, как куст мой горушный,
увязло в зиме своей глубже, чем в коме.

Стоишь, протекая, сидишь ли, разрушен,
как Иов на гноище, на пепелище,
но вроде зерна он, свинец этой пули.
Горчичным зерном или, скажем, пшеничным,
мы в том и пребудем, на что мы дерзнули,
не правда ли, Тео? Скитаемся, ищем
неведомо что и не знаем, нашли ли...

Тазы под гробами, жарница, а пыли,
а сколько б, ты видел, ворон здесь в апреле!

Личинка, былинка Иезекииля,
он праведник был, бедный Иов, и мне ли,
паршу соскребая, речами без смысла
Создателю уши терзать, в самом деле?
Виси же, холстина, виси, как повисла:
пока мы глаза в Судный день не разули,
пусть дождь барабанит, и вьюга в разгуле
ярится и вое, и стальные прутья
текут на рассвете лучащейся ртутью.

Лачуги, церквушка над козьей тропею,
и вот уже сам не большак, но тропа я,
и пусть не оленья тропа к водоюю,
но все же, покойник, плетусь, шкардыбаю,
ползу рудокопом-кротом по забою,
и пашня светил — над дорогой люблюю,
и кровушкой черной постскриптум кропая,
китайскую тушь уношу я с собою,
а те башмаки я тебе уступаю.

